

Мораль

Однажды некий человек сказал Иисусу: «Я последую за тобой, куда бы ты ни пошел». Иисус ему ответил: У лисиц есть норы, у птиц — гнёзда, а человеку^[110] и голову приклонить негде (Мф 8:19–20). В этих словах слышится социальный протест. Черные американские парии очень хорошо поняли, что хотел сказать Иисус, выразив это в своих песнях: «У лисиц есть норы в земле, у птиц — высокие гнезда, у всякой твари — свое убежище, лишь у нас, бедных грешников, нет ничего такого»^[111]. Ф У Иисуса социальные мотивы выражены сильнее, чем у раввинов. Они составляют ядро его евангелия. Однако Иисус не был борцом за социальную справедливость в обычном смысле слова. Скорее ими были ессеи. Первоначально они представляли собой апокалиптическое революционное движение. Ессеи соединили идеологию бедности с учением о двояком предопределении, которое сводится к следующему. Они, истинные Сыны света, избранные бедняки Господа, в последние дни, которые вот-вот наступят, силой оружия и с помощью небесных сил получат землю и завоюют весь мир. А Сыны тьмы, т. е. остальной Израиль и язычники, вместе с демоническими силами, господствующими в мире, будут уничтожены. И хотя во времена Иисуса идеология ессеев, вероятно, уже не носила столь агрессивного характера и не побуждала к активным действиям, а сами ессеи все больше склонялись к созерцательному мистицизму, они продолжали жить по-прежнему, сообща владели имуществом, высоко ценили бедность и строго отделяли себя от остальных евреев.

Сыны света — ессеи довели до минимума хозяйственные связи с внешним миром. Они требовали от членов общины, «чтобы никто не пил и не ел ничего из их добра и не брал от них ничего бесплатно... ибо... всех, презирающих Его Слово, Он истребит с земли, и все их дела — мерзость перед Ним, а во всем имуществе — нечистота»^[112]. Таким образом, есеевская община обязывала своих членов «отделяться от сынов погибели и отказываться от нечестивого богатства»^[113].

Иисус, естественно, не одобрял идеологического и экономического изоляционизма ессеев. Сыны этого мира в отношениях с себе подобными мудрее, чем Сыны света. Вот и я говорю вам: Делайте себе друзей из^[114] неправедного богатства^[115]... Если нечестным богатством вы не сумели распорядиться, то истинное богатство вам не доверят. Если чужим вы не сумели распорядиться, то ваше собственное вам не дадут (Лк 16:8-12). Значит, Иисус знал о ессеях и, используя их самоназвание, говорил о них, отчасти иронически, как о «Сынах света».

Иисус считал, как и ессеи этого периода, что всякая собственность может заслонить собой Бога. Человек не может служить двум хозяевам сразу. Он или возненавидит одного и полюбит другого, или будет верен одному, презирая другого. Невозможно служить и богатству, и Богу (Мф 6:24). Дуалистическая терминология этой сентенции восходит к ессеям. Они все свои помыслы направляли на то, «чтобы любить все, что Он избрал, и ненавидеть все, что Он отверг, и тем самым сторониться всякого зла и

держаться всех добрых дел»^[116]. Существует извечная борьба между добром и злом, а значит, между Сынами света и Сынами тьмы, между Богом и Велиалом, т. е. дьяволом. Иисус так не думал. Он заимствовал у ессеев не богословие, но лишь определенные социальные выводы из их мировоззрения. Поэтому два хозяина в логии Иисуса — не Бог и Велиал, а Бог и маммона (имущество, богатство).

Итак, согласно Иисусу, собственность служит препятствием для проявления высоких моральных качеств. Как трудно тем, кто богат, войти в Царство Божье! Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божье (Мк 10:24–25). Вот почему как для ессеев, так и для Иисуса бедность, безропотность, чистота сердца и неученая простота были важнейшими религиозными ценностями. Иисус вместе с ессеями считал, что отвергнутые ныне обществом и гонимые будут первыми в недалеком божественном будущем, ибо для них — Царство Небесное. Он верил, что тогда будут утешены плачущие. То, что эти слова Иисуса лишены какой бы то ни было сентиментальности, показывает следующее сразу же за макаризмами² предостережение богатым, сытым и тем, кто сейчас смеется: им предстоит горевать и плакать (Лк 6:24–25). Благодаря найденным в районе Мертвого моря текстам становится понятным оборот «бедные в духе»^[1], который иногда в этих текстах употребляется как почтительное наименование ессеев^[117]. Бедные в духе — это бедняки, которым дается Святой Дух. В одном месте ессейской Книги Гимнов (XVIII, 14–15) автор благодарит Бога за то, что Он назначил его глашатаем Своей доброты, который должен «возвестить кротким о Твоем великом милосердии, поведать сокрушенным духом о Спасении из вечного источника и плачущим — о вечной радости». Используемые здесь слова соответствуют кротким, бедным в духе и плачущим из первых трех макаризмов Нагорной проповеди.

Другую, вероятно даже более важную, параллель к макаризмам и предостережениям Иисуса мы находим в «Завещаниях двенадцати патриархов» — произведении еврейской литературы, которое уже к ессеям непосредственного отношения не имеет. Оно возникло на периферии ессейства^[118] и дошло до нас в христианской переработке, однако оригинальный текст источника идентифицировать нетрудно. По замыслу это произведение содержит последние наставления двенадцати сыновей Иакова. Один из них, Иуда, так говорит о Спасении в последние времена: «И останется один народ Господа и один язык. И уже не будет духа лжи Велиала, так как он будет брошен в вечный огонь. И умершие в печали восстанут в радости, и бедные^[119] станут богатыми, и голодные будут накормлены досыта, и слабые станут сильными, и принявшие смерть во имя Господа воскреснут для жизни. И олени Иакова будут скакать с ликованием, и орлы

Израиля воспарят в радостном полете. А нечестивые будут повергнуты в печаль, и грешники будут рыдать. И все народы будут славить Господа вовеки».

Очевидно сходство между макаризмами и предостережениями Иисуса, с одной стороны, и приведенным Текстом — с другой. Еврейский автор поэтически развивает общее предание и перерабатывает его, вводя мотив Воскресения мертвых. Он говорит, что погибшие во имя Господа воскреснут для жизни. Иисус же обещает Царство Небесное гонимым. Отсюда видно, что «Завещания двенадцати патриархов» связаны с ессеями лишь отчасти. Сами ессеи хотя и верили в рай и ад и вечную жизнь, но не разделяли с фарисеями, а затем и христианами, веру в воскресение мертвых. Довольно странно, что Иисус Также говорит о вечной жизни, прямо не упоминая о воскресении. Несколько исключений составляют спор с саддукеями, «которые считают, что нет воскресения» (Мк 12:18–27)^[120], и те места, по-видимому вторичные, где Иисус говорит о собственном воскресении. Случайно ли такое совпадение?

После всего, что было сказано о ессеях, необходимо объяснить, каким образом глубоко человеческие макаризмы Нагорной проповеди могли питаться духом ессеев, которые к тому времени, конечно, не были такими мизантропами, как прежде, но все-таки не отказывались от человеконенавистнической идеологии. По этому поводу можно заметить, что в самых радикальных сектах иногда наряду с ненавистью проявлялись и гуманные тенденции и что благочестивые ессейские тексты отличаются глубокой задушевностью. И если еврейский историк Иосиф Флавий и философ

Филон Александрийский изображали ессеев как неких толстовцев, то в чем-то они были правы. В самом деле, бывает, что в рамках бесчеловечной идеологии с течением времени появляются вполне человеческие идеи. В случае ессеев так и произошло. В еврейских кругах, соприкасавшихся с ессеями и одновременно подвергшихся глубокому влиянию со стороны нового нравственного сознания в иудаизме, это очеловечение было доведено до конца. Иисус был знаком с вызревавшими в этих кругах идеями. И он их использовал в своей переоценке всех ценностей.

Ф Ессеи считали, что их окончательная победа и уничтожение зла предрешены свыше. А пока конец времен еще не наступил, следует подчиняться злым властям этого мира, руководствуясь следующими «правилами пути»: «Вечная тайная ненависть к людям преисподней! Пусть оставляют им имущество и ручной труд, как раб своему хозяину

или бедняк своему правителю. И пусть каждый усердно размышляет о том, что предназначено, и о его сроках, о Дне мщения!»^[121]. В мировоззрении ессеев, стоявших на этих позициях, появилась своеобразная бесчеловечная человечность, так что член общины мог о себе сказать: «Я никому не воздам за зло, добром я буду преследовать человека, по тому что Бог будет судить все живое и каждому воздаст за его дела... Я не затею спора с людьми преисподней до Дня мщения, но моего гнева не отведу от людей неправды и не успокоюсь, пока Он не свершит правосудия»^[122].

Открытие ессеев (оно состояло в том, что зло можно одолеть добрыми делами) оказалось влиятельным фактором в мировой истории. Это открытие, как мы увидим, было далее развито Иисусом и, кроме того, воспринято христианством^[123] независимо от Иисусова учения о любви. В наше время принцип невоздаяния за зло (Мф 5:39) был воспринят Ганди, который познакомился с ним через христианство и «привил» его к традиционному индийскому мировоззрению. Эта, первоначально ессейская, идея легла в основу пассивного сопротивления, посредством которого Индия добилась независимости.

История показала, что врага можно победить добрыми делами, даже не любя его и не делая его лучше. Ессеи хотели одерживать такие победы, однако два последних условия оказались трудновыполнимыми. Того, кому ты делаешь добро, в силу человеческой природы ты начинаешь любить. Но, что еще важнее, если ты конкретному человеку делаешь подлинное добро (а подлинным оно может быть лишь тогда, когда ты этого человека хотя бы немного любишь), то своим поступком ты обычно делаешь его лучше. Те слои общества, которые, соприкасаясь с ессеями, одолели ессейскую идеологию ненависти, тем самым одобрили одно из ее следствий — принцип добрых поступков по отношению к врагам. В уже упоминавшихся «Завещаниях двенадцати патриархов», в особенности в «Завещании Вениамина», победа над грешниками силой любви становится важным моральным императивом. «Глаза доброго человека не слепы; он проявляет сострадание ко всем, даже к грешникам, даже если они замышляют зло против него. Делая добро, он побеждает зло, и Бог защищает его... Дети, если ваши мысли устремлены к добру, то и злые люди будут в мире с вами, и беспутные будут бояться вас и обратятся к добру, и корыстолюбцы не только умерят свою алчность, но отдадут угнетенным свои излишки... У расположенного к добру нет двух языков: одобрения и проклятия, оскорбления и почтения, печали и радости, умиротворения и раздора, бедности и богатства, но у него — лишь одно чистое чувство ко всем. У него не двоятся зрение и слух... Дела Велиала двусмысленны, и нет в них простоты»^[124]. Ф В том же духе говорил Иисус: Вы знаете, что сказано: «Глаз за глаз, зуб за зуб». А я говорю вам: не отвечай злом на зло, но тому, кто ударит тебя по правой щеке, подставь и левую (Мф 5:38–39). Матфей цитирует лишь начало текста Исх 21:23сл. Но Иисус комментирует как раз последние слова этого места. Далее он продолжает (Мф 5:40–43): Если кто хочет с тобой судиться, чтобы отобрать нижнюю одежду, отдай ему и верхнюю. И если кто принуждает тебя пройти милю, пройди с ним и две. Любому просящему у тебя давай и от получившего не требуй возврата^[125].

Вы знаете, что сказано: «Люби ближнего и ненавидь врага». Ф Этой фразой (ничего похожего на нее невозможно найти

в еврейской традиции) Иисус, очевидно, изображал вульгарную и довольно популярную мораль, с которой полемизировал еще Сократ. Подобная формулировка

отражала, скорее, взгляды саддукейских и, возможно, есеевских кругов: «Люби ближнего, поскольку он твой друг, и ненавидь врага!» Саддукеи отстаивали принцип (также в связи с Исх 21): за всякое зло следует воздавать равным злом. Такую позицию Иисус и фарисеи решительно отвергали^[126]. Согласно Матфею, Иисус продолжал указанную фразу следующим образом: А я говорю вам: любите своих врагов и молитесь за тех, кто вас преследует, — чтобы вам стать сынами Отца Небесного, ибо Он велит солнцу восходить над злыми и добрыми, посылает дождь на праведных и неправедных... Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный (Мф 5:38–48).

Согласно «Завещанию Вениамина», человек «не должен говорить двумя языками — языком одобрения и языком проклятия... Только дела Велиала двусмысленны и нет в них простоты». Иисус требует от человека цельности в любви к ближнему, поскольку такая цельность присуща Богу. Слова «глаз за глаз», как известно, уже в еврейской Библии не понимались буквально^[2]. Иисус хотел радикально изменить понимание этих библейских слов, истолковав выражение «ушиб за ушиб» в том смысле, что следует подставить для пощечины также и другую щеку. Подобное истолкование было в духе пиелистских кругов, соприкасавшихся с ессеями. В «Завещаниях двенадцати патриархов» рассказывается^[127], как праотец Завулон, увидев зимой совершенно нагого нищего, похитил из дома одежду и отдал ее бедняге. Однажды, ничего не найдя, что можно было бы отдать бедному, он провожал его с плачем семь стадий, так как сердце его переполнилось состраданием к нуждающемуся.

С этими проникнутыми есеевскими идеями кругами Иисус разделял убеждение, что не следует отвечать злом на зло и что евангелие Спасения должно быть обращено непосредственно к бедным и изгоям. Принятый в этих кругах принцип, требующий одинакового отношения ко всем людям без каких бы то ни было различий, Иисус развил в заповедь о любви к врагам, в требование любви, в особенности по отношению к грешникам. Когда фарисеи упрекнули его за то, что он ест с откупщиками и грешниками, Иисус им ответил: Не здоровым нужен врач, а больным, и при этом добавил: Я пришел призвать не праведников, а грешников (Мк 2:16–17).

Парадоксальность своего отношения к общепринятой морали Иисус великолепно передал в притче о рабочих на винограднике (Мф 20:1–16). Один землевладелец, нанимая работников на свой виноградник, обещал каждому уплатить один денарий за работу в течение дня. Вечером он всем так и заплатил, независимо от того, какую часть дня каждый из работников фактически проработал. Это вызвало негодование тех, кто начал работу раньше других.

Тогда владелец виноградника сказал одному из недовольных: «Друг, я ведь не обманул тебя. Разве не за денарий ты согласился работать? Возьми то, что тебе причитается, и уходи. А если мне захотелось и последнему заплатить, как тебе, разве

я не вправе распоряжаться своими деньгами? Или ты завидуешь — из-за того, что я щедр?» Так Последние станут первыми, а первые — последними.

Принцип воздаяния, как обычно у Иисуса, здесь остается, однако все общепринятые мерки и представления о божественной справедливости теряют силу. Можно было бы подумать: так происходит по той причине, что все различия между людьми упраздняются перед лицом всеобъемлющей любви и милосердия Бога. Однако переоценка Иисусом всех ценностей не порождает идиллии: не только любовь и милосердие, но и бедствие не отличает грешника от праведника. Однажды Иисусу сообщили о галилеянах, кровь которых Пилат смешал с кровью их жертв. Вероятно, можно было ожидать политической оценки события, но Иисус сказал: Вы думаете, это величайшие грешники во всей Галилее, раз они претерпели такое? Нет, уверяю вас. И если вы не раскаетесь, погибнете все, как они. А те восемнадцать, задавленных насмерть, когда обрушилась башня Шилоах? По-вашему, они были греховнее остальных жителей Иерусалима? Нет, уверяю вас. И если вы не раскаетесь, погибнете все, как они (Лк 13:1–5). В то время многие считали, что несчастья и болезни — это наказание за совершенные грехи, за которые пострадавший в конце концов и расплачивается. В упомянутом случае, должно быть, подразумевалось, что пострадавшие были «большими грешниками», чем все прочие люди. Иисус

это мнение отвергает и направляет внимание, казалось бы, не затронутых этой бедой слушателей на самих себя: Если вы не вернетесь к Богу, погибнете все, как они. (Свой призыв вернуться к Богу, обращенный ко всему народу, Иисус формулирует в наглядной форме — в виде притчи о бесплодной смоковнице, которая следует далее (Лк 13:6–9).)

Представление Иисуса о справедливости Бога несовместимо с обычными человеческими расчетами. Это представление выразилось в проповеди о Царстве, в котором последние станут первыми, а первые — последними. В рамках этого представления Нагорная проповедь неизбежно завершается Голгофой, где праведник погибает смертью преступника. Это представление содержит глубочайший нравственный смысл и одновременно находится по ту сторону добра и зла. А с такой «запредельной» позиции все «важное» — расхожие добродетели и «сделанные» личности, земные звания и гордая кичливость формальным соблюдением Закона — все это и многое другое становится непрочным и тщетным. Сократ поставил под вопрос интеллектуальное достоинство человека, Иисус — его нравственную состоятельность. Оба были приговорены к смерти. Случайно ли это?